

Международные политические последствия объединения Германии

А.А. Ахтамзян

В статье исследуются геостратегические последствия окончательного урегулирования в отношении Германии, особенно «отдаленные последствия» этого исторического события. Выводы и обобщения автора основаны на дипломатических документах и свидетельствах компетентных специалистов – германистов (В.М. Фалина, Ю.А. Квицинского, В.П. Терехова, И.Ф. Максимычева), а также германских официальных документах. Автор известен как исследователь, работы которого написаны с использованием российских и германских дипломатических архивов. Он уверен, что архивные и мемуарные данные подтвердят его выводы и обобщения.

«Народ не простит нам потерю ГДР», – сказал М.С. Горбачев своим дипломатам в Берлине 8 октября 1989 г.¹

Прошло два десятилетия с момента объединения Германии, точнее, со дня торжественного акта провозглашения единства немецкой нации, состоявшегося 3 октября 1990 г. одновременно в Берлине и в Бонне. Правильнее было бы назвать это событие не объединением двух германских государств, а присоединением одного государства, Германской Демократической Республики, к другому, более сильному в финансово-экономическом отношении, государству – Федеративной Республике Германия. Формально юридически произошло это в результате соглашений и договоров между двумя германскими государствами, но со ссылкой на Основной закон ФРГ. Фактически сами немцы обозначили присоединение ГДР к ФРГ простым словом «аншлюс». Правда, последний глава правительства ГДР Лотар де Мезьер в одном из интервью двадцать лет спустя, обронив фразу: «Я объединял Германию!», подчеркнул, что присоединение Восточной Германии к Западной нельзя называть аншлюсом².

С точки зрения международного права ссылка на статью 23 Основного закона ФРГ не имела никакого значения. Она служила юридическим обоснованием и оправданием этого самого аншлюса. С международно-правовой точки зрения имел значение Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии, выработанный весьма поспешно по формуле «два плюс четыре» и заключенный в Москве 12 сентября 1990 г. Этот договор, однако, не был равнозначен мирному договору.

Уже из изложенных фактов следуют определенные вопросы по научной проблематике изучения этого выдающегося события истории Европы XX в.:

– Во-первых, как удалось Германии подвести черту под Второй мировой войной без заключения мирного договора в собственном смысле слова?

– Во-вторых, какие обстоятельства позволили дипломатии ФРГ «без единого выстрела», исключительно мирными средствами, решить сложнейшую проблему послевоенного времени – проблему единства нации?

Ахтамзян Абдулхан Абдурахманович – д.и.н., профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ Российское государство в системе международных отношений

– В-третьих, отдельного рассмотрения заслуживает позиция Советского Союза. Точнее, роль его тогдашних руководителей в процессе германского урегулирования, непосредственные и отдаленные последствия кардинального изменения стратегической ситуации в Европе?

Первые попытки понять историческое значение объединения Германии были предприняты, естественно, российскими и германскими публицистами, которые, наблюдая за событиями день за днем, дали свою версию событий еще до того, как непосредственные участники событий нашли время для выражения в той или иной форме своего видения произошедшего поворота в мировой истории. Уже в первой половине 1990-х гг. историки приступили к исследованию этой темы. Одной из первых монографий была работа Н.В. Павлова «Объединение, или рассказ о решении германского вопроса...» (М., 1992). Затем последовало изданное в учебных целях исследование автора данной статьи³. Следует также отметить в числе первых опытов монографию Л.М. Воробьевой⁴. Из немецких публикаций, довольно полно осветивших процесс окончательного урегулирования в отношении Германии, можно отметить монографии Хельги Хафтендорн и Александра фон Плато⁵.

Уже в первом десятилетии после события появились публикации мемуарного характера. Сюжет имел и имеет столь острый характер, что участники события не стали выжидать прохождения «исторической дистанции». В числе первых отметился главный участник короткой дистанции М.С. Горбачев и его помощники, публикации которых носили апологетический и оправдательный характер⁶. Еще раньше вышли в свет в Германии на немецком языке фундаментальные тома исследовательского и мемуарного свойства, подготовленные видными советскими дипломатами В.М. Фалиным и Ю.А. Квицинским. Они обстоятельно изложили свой подход к решению германской проблемы⁷. В России на русском языке их книги вышли несколько лет спустя⁸.

Ключевое значение для понимания методов действия германской дипломатии имеют не только документы, но и воспоминания германских деятелей⁹. Названные выше публикации участников событий относятся с научно-исторической точки зрения к источникам информации. Однако в истории дипломатии большую ценность имеют официальные документы, которые правительства всех стран, как правило, хранят в закрытых архивах и передают гласности лишь по прошествии определенного времени и по своему усмотрению. Правительство ФРГ, гордясь своим успехом в деле решения национальной проблемы, передало для опубликования некоторую часть публичных документов. Ведомство прессы и информации правительства ФРГ весьма оперативно подготовило и напечатало сборник документов, относящихся к проблеме объединения страны¹⁰.

Что касается советских официальных документов, то никто не спешил с их подготовкой к опубликованию: не до того было. Образовалась

пауза в полтора десятилетия. Заинтересованные лица в так называемом Фонде Горбачева не сидели сложа руки. Они подготовили из своих служебных бумаг несколько больших по объему томов и нашли средства для их издания¹¹. Надо признать эти издания полезными источниками информации о деятельности генсека КПСС М.С. Горбачева и его помощников. Однако этой информации далеко недостаточно, чтобы составить цельную картину процесса урегулирования германского вопроса, начиная не с 1985 или 1986 гг., а несколько раньше. Необходимо учитывать не только официальные документы ЦК КПСС и МИД СССР, но и опубликованные свидетельства Председателя Совета Министров СССР Н.И. Рыжкова «Трагедия великой страны» (М., 2007), сотрудников ЦК партии – В.И. Болдина¹² и др.

Дневниковые заметки президента США Р. Рейгана и мемуары премьер-министра Великобритании М. Тэтчер сообщают много относительно начальной стадии личной дипломатии М.С. Горбачева. Особенно важно было бы для историков ознакомиться с официальными документами, свидетельствующими об официальном (не в узком кругу ближайших советников) обсуждении способа решения германского вопроса, а главное – собственно коллективным решением Политбюро КПСС, а еще важнее – Совета Министров СССР по германской проблеме. Скажем, об отказе от «прав и ответственности четырех держав за Берлин и Германию в целом» или об отказе от включения в договор об урегулировании с Германией (или хотя бы в протокол) пункта, обязывающего западные державы не расширять НАТО на восток.

Документы германского правительства в этом отношении отличаются от бумаг горбачевского окружения не только полнотой, но и вполне официальной легитимностью¹³. Западногерманские исследователи начинают обзор процесса урегулирования внешнеполитического аспекта германского объединения с падения Берлинской стены, как бы между прочим вплетая в повествование подготовительную работу президентов США Р. Рейгана и Дж. Буша, визит Г. Коля в Москву в октябре 1988 г. и визит М. Горбачева в Бонн в июне 1989 г. При рассмотрении событий 1990 г. они проявили большую скрупулезность и объективность. Это получило отражение в ряде тезисов исследования Вернера Вайденфельда¹⁴, например относительно событий начала 1990 г.:

– «Гельмут Коль хочет выйти за линию обороны»;

– «Буш демонстрирует солидарность с Колем»;

– «Два плюс четыре» или «Четыре плюс два»;

– «Горбачев принимает Коля: «Ничего не будет без Вас».

Германский вопрос после Второй мировой войны исследован в советской и российской историографии, да и в мировой, особенно западной, литературе довольно обстоятельно. Опубликованы сотни монографий, основанные на документах, в том числе ранее недоступных архивных документах. Здесь нет необходимости давать обзор этих

публикаций, в которых раскрыто существо германской проблемы, державшей страны Европы в напряжении в течение нескольких десятилетий.

Проблема германского единства и особенно статус Берлина были причиной острых кризисов в мировой политике, чреватых военным конфликтом в Европе. Объединение Германии и устранение узла противоречий в центре континента, несомненно, имеет положительное значение. Однако оно не привело, к сожалению, к гармонизации интересов государств Европы или хотя бы к балансу интересов. Изменение соотношения сил привело к разрушению нескольких федеративных государств: Югославии, Чехословакии и Советского Союза.

Два десятилетия – достаточный срок для объективной оценки исторического события, в данном случае – объединения Германии. Однако в публицистике, отражающей противоречивые политические тенденции, все еще преобладает тенденциозный подход. Например, на российском телевидении приходится слышать победные нотки по поводу развала Советского Союза или утверждения о том, что объединение Германии якобы принесло большие выгоды России. Некоторые публицисты утверждают, что объединение Германии произошло стихийно, неожиданно «для всех», независимо от воли и желания политиков, особенно советских, просто «ветры истории» дули в нужную сторону. Так ли это было на самом деле? Может быть, на самом деле объединение Германии было результатом многолетней целеустремленной деятельности правительств и спецслужб некоторых государств, особенно ФРГ и США, при странной позиции некоторых тогдашних руководителей нашей страны?

В европейской и американской историографии появляется все больше высказываний и свидетельств авторитетных и информированных участников событий, которые позволяют дополнить общую картину существенными деталями, помогающими понять причины и следствия исторического события. Прежде всего следует выяснить вопрос о кризисе политической системы Германской Демократической Республики. Конечно, он возник в силу ряда объективных причин и субъективных элементов, но особенно стал обостряться с началом перестройки в советском руководстве.

Бывший глава спецслужб ФРГ, а до того, в 1977–1980 гг., посол ФРГ в Москве, несомненно, хорошо информированный госслужащий Ханс-Георг Вик в интервью французскому радио «Франс Интернациональ» раскрыл частично обстоятельства начала кризиса политического руководства ГДР, связав это с расхождениями между главой правительства ГДР Э. Хонеккером и генсеком КПСС М. Горбачевым. На вопрос корреспондентки Галины Аккерман: «Правда ли, что против Хонеккера был заговор, за которым стоял Михаил Горбачев?» – он дал такое пояснение: «Я не говорил бы о заговоре, но в октябре 1989 г. было уже ясно, что Хонеккер не способен

ни умственно, ни физически руководить страной по состоянию здоровья. Поэтому он согласился уйти в отставку. Однако уже в 1988-м, если не в 1987-м, Москва предприняла попытки усилить лагерь реформаторов внутри правящей партии, СЕПГ. Посредниками между Москвой и реформаторами выступали будущий премьер ГДР Ханс Модров и бывший глава ее разведки Маркус Вольф. Реформаторы пытались склонить на свою сторону членов Политбюро и таким образом заставить Хонеккера пойти на реформы». Реформы в ГДР были условием проведения переговоров между четырьмя державами-победительницами и двумя германскими государствами, а также получения материальной поддержки от ФРГ. План Горбачева предусматривал создание «общеевропейского дома», в котором нашлось бы место для конфедерации двух германских государств. Г.-Г. Вик не касается планов ФРГ и США. Между тем именно там находился ключ к разгадке кризиса в ГДР.

В российской и западной историографии и публицистике относят начало «оффензивы» (наступления) западных держав на германском направлении к середине 1980-х гг., когда в СССР была объявлена перестройка и произошла черномыльская ядерная катастрофа, причиной которой, как мне представляется, была не только некомпетентность местных работников.

Многие наблюдатели склонны считать, что начало наступательной стратегии ФРГ и США следует отнести к 1984 – 1987 гг. Это было связано со сменой руководителей Коммунистической партии Советского Союза, происходившей в 1982–1985 гг. с фатальной неизбежностью и быстротой. Что касается изменения курса западных держав в европейской политике и в германском вопросе, то они были прямо увязаны с инспирированной «перестройкой» в СССР под «чутким руководством» М.С. Горбачева.

Курс на подрыв позиций Советского Союза в политике США был взят в период президентства Р. Рейгана и реализован его преемником Дж. Бушем. Курс на решение национальной проблемы ФРГ был определен по окончании первой легислатуры правительства во главе с федеральным канцлером Гельмутом Колем (1983–1987 гг.). На выборах в бундестаг в начале 1987 г. выявилось падение авторитета правительства Г. Коля. Летом на празднование 750-летия Берлина прилетел президент США Р. Рейган. Он выступил на площади у Бранденбургских ворот с призывом: «Мистер Горбачев, откройте эти ворота!» Полагаю, что провозглашение такого призыва не было удачной импровизацией профессионального артиста. Выступление президента, видимо, было тщательно продумано и подготовлено не только в госдепе. Работа с Горбачевым была начата еще раньше, по крайней мере, в 1984 г. Р. Рейган оставил бесхитростные дневниковые записи, которые подверг анализу российский писатель Дм. Быков в журнале «Огонек» (№ 46, 12–18 ноября 2007 г.). Первое упоминание о Горбачеве в дневнике связано с визитом в США М. Тэтчер в декабре 1984 г., после ее исто-

рической встречи с М. Горбачевым – секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству. Другая запись Р. Рейгана связана с именем Арманда Хаммера, который характеризовал «Горби» как лидера, с которым можно «иметь дело». В Америке обнаружили у Горбачева «выдающийся талант к международным делам». Президент США особо отметил это качество М. Горбачева, снисходительно заметив, между прочим: «Надо бы его называть Михаил». Разумеется, мнение Р. Рейгана о Горбачеве складывалось постепенно из впечатлений ближайшего окружения и не в последнюю очередь под влиянием своего вице-президента Дж. Буша, который регулярно посещал Москву в связи с кончиной генеральных секретарей компартии страны, которую Р. Рейган считал «империей зла».

Джордж Буш, бывший ранее не только представителем США в ООН, но и главой ЦРУ, прилетал на похороны генсеков Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, а затем и К. Черненко, видимо, не только для того, чтобы выразить соболезнование, но и приглядеться к возможным партнерам. В марте 1985 г. скончался К. Черненко. Это произошло 10 марта, и, естественно, уже 11 марта в повестке дня заседания Политбюро стоял вопрос об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС. Известно, что в самом начале заседания А.А. Громыко внес предложение избрать М.С. Горбачева, который без особых дискуссий и был единогласно избран, а потом утвержден на пленуме ЦК партии. Это было логично: Михаил Горбачев был самым молодым (1931 г.р.) и «практически здоровым», следовательно, перспективным членом Политбюро.

Михаил Горбачев, кадровый партийный работник, сделал политическую карьеру в той самой системе, реформированию (а фактически – разрушению) которой он и решил посвятить свою деятельность. В статье нет возможности подробно останавливаться на обстоятельствах, при которых один из секретарей ЦК стал у руля гигантского корабля, объявив вскоре о курсе на перестройку. Некоторые существенные факты позже получили освещение в публикациях свидетелей и непосредственных участников событий, в частности в книге Анатолия Громыко «Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля»¹⁵. Позже стали известны и свидетельства того, что лидеры западных держав, прежде всего США, не только проявили интерес, но и приняли активное участие в подборе лидера для другой супердержавы и определении ее судьбы.

Посол США в Москве Джон Байерли, публично выражавший симпатии к нашей стране, вспоминал недавно, что он, как дипломат не самого высокого ранга в то время, был свидетелем того, что в кремлевских апартаментах состоялась доверительная беседа Дж. Буша с М.С. Горбачевым. Дж. Байерли как младший по чину должен был сопровождать вице-президента. «Но тогда я был чиновником не очень высокого ранга, поэтому, когда Горбачев появился, нас сразу же выставили за дверь, осталось только начальство. Джордж Буш разговаривал с Горбачевым около получаса, а когда вышел, сказал: «Это – совсем другое»¹⁶. Замысел

Дж. Буша начал осуществляться. Он убедился, что весной 1984 г. сделал правильный выбор ... на должность Генерального секретаря ЦК КПСС.

Еще весной 1984 г. была намечена встреча Дж. Буша с секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству М.С. Горбачевым как с перспективным лидером СССР. С этой целью вице-президент вызвал в Вашингтон представителя США на Женевской конференции посла Льюиса Филдса и поручил ему договориться с советским представителем на конференции послом В.Л. Израэляном о неофициальной встрече. На приглашение в загородную резиденцию советской делегации американский представитель ответил встречным предложением встретиться в одном из загородных ресторанов. Во время обеда делового разговора не было. А после обеда американец предложил прогулку, во время которой сделал краткое устное сообщение: «В Вашингтоне хотели бы установить серьезный, деловой контакт с кремлевским руководством. И вице-президент Буш готов встретиться с одним из новых советских лидеров во время своего визита в Женеву. Встреча должна носить строго конфиденциальный характер. На мой вопрос, – записал В. Израэлян, – имеют ли американцы конкретно кого-нибудь из советских деятелей в виду, Филдс однозначно ответил, вице-президент хотел бы встретиться с М. Горбачевым как наиболее вероятным будущим лидером Советского Союза». Почемному предложению делается косвенно, а не через посольство в той или иной столице, ясного ответа не последовало. Филдс подчеркнул, что он выполняет поручение вице-президента, и только. После некоторых размышлений и колебаний советский посол решил доложить об этом предложении непосредственно в Москве, в своем ведомстве. Он так и сделал. Филдс больше не возвращался к этой теме. Между тем в середине апреля в Женеву пожаловал сам Дж. Буш, чтобы выступить на конференции по разоружению с проектом по химическому оружию. Дж. Буш устроил 17 апреля через посредника Садрудина Али Хана встречу с советским представителем В. Израэляном. В итоге краткой беседы вице-президент США Дж. Буш напомнил, что он дважды побывал в Москве: на похоронах Л. Брежнева в 1982 г., на похоронах Ю. Андропова в 1984 г. и предполагает... скоро прибыть на похороны К. Черненко (такой доброжелательный прогноз). Но самое главное в этом эпизоде – заявление Буша: «Вашим следующим лидером будет Горбачев». «Эти слова врезались мне в память», – записал В.Л. Израэлян. Таков был краткосрочный прогноз американского вице-президента.

У читателя может, естественно, возникнуть вопрос: из какого источника нам это известно? Из достоверного источника – от самого В.Л. Израэляна, который составил краткое сообщение об этом эпизоде. Он добавил в постскриптуме: «Решив предать гласности указанный эпизод, я написал об этом президенту США. Недавно пришел ответ, в котором сообщалось, что Дж. Буш не возражает против публикации»¹⁷. После встречи с В.Л. Израэляном Дж. Буш передал дальнейшую разработку

кандидатуры элегантной леди – премьер-министру Великобритании.

Встреча Горбачева с Маргарет Тэтчер состоялась в декабре 1984 г. О результатах этой встречи она и рассказала Р. Рейгану в конце декабря того же года. Нам неизвестно, сообщила ли она (скорее всего, сообщила) о необычном дипломатическом жесте М.С. Горбачева, о котором стало известно российским историкам лишь позже, из свидетельства участника той встречи М. Горбачева с М. Тэтчер, а именно А.Н. Яковлева.

Председатель Совета Министров СССР в 1985–1990 гг. Н.И. Рыжков в книге воспоминаний «Трагедия великой страны» (М., 2007) обстоятельно рассматривает события тех лет, выявляет причины и инициаторов развала Советского Союза. Этот том воспоминаний существенно дополняет картину, представленную им по свежим следам событий в публикации «Перестройка»: история предательств» (М., 1992). В связи с темой вызывают интерес его свидетельства о дипломатической деятельности М. Горбачева: «Начало сотрудничества Горбачева с Западом было положено его, рядового члена Политбюро, встречей осенью 1984 г. с премьер-министром Великобритании М. Тэтчер»¹⁸. Известно, что встреча была организована при содействии тогдашнего посла в Канаде А. Яковлева и имела место в загородной резиденции в Чеккерсе, где обычно проводятся доверительные беседы с особо важными иностранными представителями. В итоге встречи с М. Горбачевым М. Тэтчер сделала вывод: «С этим человеком можно иметь дела... Ему можно доверять»¹⁹. Чем заслужил М. Горбачев доверие «железной леди»? Н. Рыжков приводит свидетельство участника той встречи А.Н. Яковлева по книге «Омут памяти». Во время встречи М. Горбачев неожиданно для М. Тэтчер развернул перед нею карту Генерального штаба со всеми грифами секретности, на которой изображены направления ракетных ударов по Великобритании. Леди не могла сразу понять, что означает этот ход «рядового члена Политбюро»: розыгрыш или шантаж. Затянувшуюся паузу прервал М. Горбачев: «Госпожа премьер-министр, со всем этим надо кончать, и как можно скорее». Леди кротко сказала: «Да». Какие полномочия имел для этого будущий генсек? По странному стечению обстоятельств визит был прерван досрочно: из Москвы пришло сообщение – умер министр обороны СССР Устинов. Ни подтверждения, ни опровержения этого эпизода из документов М. Горбачева мы не знаем, впрочем, как и о тайных переговорах его с Р. Рейганом на Крайнем Севере в Рейкьявике осенью 1986 г. Позже М. Тэтчер ясно сказала: «Мы сделали Горбачева Генеральным секретарем»²⁰.

Этапами на пути к развалу Советского Союза стали встречи М. Горбачева с «сильной личностью» – президентом Р. Рейганом в Рейкьявике, а затем и с президентом Дж. Бушем у острова Мальта в декабре 1989 г. Во время пребывания во Франции в 1993 г. М. Горбачев признался, что на встрече в Рейкьявике он «отдал СССР на милость Соединенным Штатам». Горбачев сам оценивал

встречу в Рейкьявике как «большую драму»: «На этой встрече в верхах мы зашли так далеко, что обратно уже повернуть было нельзя»²¹.

Встреча М.С. Горбачева и Джорджа Буша-старшего у острова Мальта в Средиземном море в начале декабря 1989 г. после падения Берлинской стены имела исключительно важное значение в деле решения германской проблемы. Дело, конечно, не только в том, что дипломатическая беседа происходила в штормовую погоду на американском военном корабле, но главным образом в том, что она произошла по инициативе американского президента, который основательно подготовился к этой встрече, в отличие от генсека правящей партии Советского Союза. Очевидно, что именно Дж. Буш вызвал М.С. Горбачева на randevu. Не думаю, чтобы М.С. Горбачев просил аудиенции у американского президента. Если ранее американские руководители остро ставили вопрос об освобождении диссидентов во главе с А. Сахаровым, а также невест, желавших уехать из СССР к мужьям в Америку, то теперь на первый план выдвигался германский вопрос, который находился в сфере ответственности четырех держав-победительниц, главным образом СССР и США.

Ключевым вопросом германского урегулирования уже в тот момент был вопрос о международном статусе объединенной Германии: станет ли она нейтральной страной, то есть не будет участвовать в военных блоках или останется в блоке НАТО. Против нейтрализации активно выступали не только США, но и Великобритания. Они не хотели отказаться от сложившегося после Второй мировой войны положения государств Западной Европы под эгидой США, но решительно вели дело к тому, чтобы вытеснить Советский Союз из Центральной и Восточной Европы. К сожалению, историки пока не располагают полной информацией о ходе бесед на Мальте. Существуют несколько версий этого исторического события. Однако полное содержание встречи у Мальты еще остается загадкой.

Опубликованные Фондом Горбачева записи «Из бесед М.С. Горбачева с Дж. Бушем», датированные 2 и 3 декабря 1989 г., – это фрагменты, отрывки, которые не дают полного представления о сути дела²². М. Горбачев говорит по поводу событий в Германии: «У нас впечатление, что господин Коль торопится, суетится, действует несерьезно, неотвественно». И далее: «Это что же будет? Единая Германия будет нейтральной, не принадлежащей к военно-политическим союзам, или членом НАТО? ... Не мы с вами ответственны за раздел Германии. Так распорядилась история». М. Горбачев еще предлагает отложить этот вопрос на будущее: «Пусть история распорядится этим вопросом и в будущем». Дж. Буш резонно замечает, что он не намерен «прыгать на стену».

На следующий день ему вторит госсекретарь Дж. Бейкер: «Вопрос объединения Германии вызывает нервозность и у нас, и у вас, да и у многих европейцев. За что мы здесь выступаем? Чтобы объединение происходило на принципах гласно-

■ Российское государство в системе международных отношений

сти, плюрализма, свободного рынка». Все выглядит вполне благопристойно. Что же произошло в результате бесед на Мальте?

Интересные соображения высказала в интервью газете «Известия» в начале 2008 г. известная французская исследовательница, профессор парижского Института международных и стратегических исследований Катрин Дюранден, автор нескольких книг, имевшая доступ к документам ЦРУ. В беседе с парижским корреспондентом «Известий» Олегом Шевцовым она высказала свои суждения о роли спецслужб США в подготовке и реализации планов своей страны в отношении СССР и Германии.

На вопрос корреспондента К. Дюранден дала такой ответ: «Горбачев встречался с Бушем на военном корабле, а в это время был страшный шторм. Теперь у меня есть полная уверенность, что ваш президент к этому саммиту был совершенно не готов. Обсуждалось кардинально важное для Советского Союза событие: объединение Германии». К этому моменту Дж. Буш и Г. Коль между собой решили, что объединенная Германия будет членом НАТО. Но готов ли к этому весь народ Германии? Такой вопрос их вовсе не интересовал. Западные наблюдатели отмечают, что Горбачев вел себя сдержанно, даже робко. Возможно, на него повлияла штормовая погода. Однако он все же решился в ответ на настойчивые напоминания о нарушениях прав человека в СССР возразить: «Но у вас же нет монополии на права человека!» Дж. Буш держал в руках список репрессированных лиц, отодвигая на второй план главный вопрос, ради которого он и вызвал Горбачева на собеседование. Дж. Буш как бы лишил Горбачева возможности выдвигать какие-либо условия по решению германского вопроса. На вопрос корреспондента: «В конце концов, Горбачев сдался?» – дама ответила просто: «Мне кажется, он запаниковал. На это, собственно, и был расчет ЦРУ».

Отметьте себе: расчет не дипломатического ведомства, а ЦРУ. Трудности Горбачева у себя дома, в стране, конечно, надо принимать во внимание. Однако в сложившейся ситуации самоуверенному лидеру полагалось сослаться на необходимость решать вопросы мирового значения в согласии с компетентными органами своей страны. Французская исследовательница полагает: «И расчет разведуправления, хорошо изучившего характер генсека, строился на том, что он был истощен психологически и у него просто не хватит твердости сопротивляться давлению Запада»²³. Самое замечательное было то, что больше всего удивились тому, что Горбачев так легко сдался, лидеры Франции и Великобритании. Ведь они призывали Горбачева не торопиться в процессе решения германского вопроса.

Политика М. Горбачева, легитимность которой ставится под большой вопрос самим фактом устранения из Конституции СССР пункта о ведущей роли КПСС (следовательно, и Генерального секретаря ЦК КПСС), определялась, таким образом, договоренностями с президентами

США. М.С. Горбачев решал вопросы, связанные с политикой в отношении Германии, как лидер правящей партии вплоть до марта 1990 г., когда на внеочередной сессии народных депутатов (отнюдь не всенародным голосованием) он был избран президентом СССР. Не была ли вся предшествующая деятельность генсека превышением полномочий?

«За шесть лет пребывания на посту генсека Горбачев одиннадцать раз встречался с президентом США. В итоге политики во многом односторонних уступок рухнула Берлинская стена, уничтожены Варшавский договор, содружество социалистических стран и сам Советский Союз. Под звуки оркестра, которым дирижировал пьяный Ельцин, войска постыдно покидали свои военные базы и уходили в никуда — в чистое поле с походными палатками. Таков был позорный итог соглашения М. Горбачева с его другом Г. Колем на государственной даче в Архызе». Такова печальная картина государственной деятельности партийного лидера, представленная в мемуарах бывшего главы Правительства СССР²⁴.

Если судить по публичным событиям, то процесс объединения Германии начался стихийно: с возмущения граждан ГДР ограничением их прав и свобод властями ГДР, с открытия Бранденбургских ворот, а затем и разрушения Берлинской стены. На самом деле, как доказывают изложенные выше факты закулисной деятельности и личной дипломатии М.С. Горбачева, присоединение ГДР к ФРГ было тщательно спланировано и подготовлено правительствами США и ФРГ, начиная, по крайней мере, с 1982–1985 гг., с начала «междоусобия» или иначе – замятни в СССР. Со стороны США это была провозглашенная политика, направленная на уничтожение «империи зла». В ФРГ это была политика, направленная на решение проблемы единства нации. Исходной позицией дипломатии ФРГ для начала наступления должен был стать кризис в ГДР, который обострился летом 1989 г. и принял необратимый характер в связи с мероприятиями в связи с 40-летием ГДР в октябре 1989 г.

Участие Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева в торжественных мероприятиях в связи с юбилеем союзного рабоче-крестьянского государства должно было ознаменовать размежевание между консерваторами и реформаторами в правительстве ГДР. Отечественный агитпроп подготовил для речи генсека хлесткую формулу: «Того, кто опаздывает, наказывает жизнь». Девиз был явно адресован «старому Эриху» и был понятен всем: и друзьям, и противникам. Публичный обмен любезностями между генсеками «братских» партий 7 октября означал «поворотный пункт» сорок лет спустя. Довольно скоро Эрих был отстранен от власти. Попытки реформаторов спасти республику не дали желаемого результата. Решение Политбюро ЦК СЕПГ об облегчении выезда граждан из республики в западном направлении было истолковано в Берлине как разрешение немедленно (тогдаш) открыть ворота.

В ночь на 9 ноября 1989 г. толпы берлинцев собрались у Бранденбургских ворот, требуя прохода

в западную часть города, на Курфюрстендам, где их ждало угощение пивом и колбасками. Проходя мимо окон советского посольства, некоторые демонстранты недвусмысленно давали понять нашим дипломатам: мы с вами еще поговорим. Они могли не знать, что по закрытому каналу М.С. Горбачев сообщил обер-бургомистру Западного Берлина: советские солдаты останутся в казармах, что бы ни случилось в городе²⁵.

На запрос наших дипломатов: «Что мы должны предпринять?» – из Москвы пришла неслыханная в истории дипломатии «инструкция»: как идет, так пусть и идет. Дипломаты в Берлине не дождались единственно разумного указания: вступить в контакт с представителями США, Великобритании и Франции, которые вместе с СССР еще обладали в тот момент правами и несли ответственность за Берлин и Германию в целом. Очевидно, что все было обговорено с правительствами США и ФРГ заранее. Федеральный канцлер Г. Коль установил первый телефонный контакт после падения стены в Берлине с премьер-министром Великобритании М. Тэтчер. Он был озабочен тем, чтобы Международный валютный фонд (МВФ) подбросил кредит Польше, а не тем, как развиваются события в Берлине.

Известно стало лишь позже, что М. Тэтчер еще в сентябре 1989 г. по пути домой из Токио остановилась на часок на аэродроме в Шереметьево, чтобы поговорить с М. Горбачевым по германским делам и посоветовать ему не торопиться при решении германского вопроса. М. Горбачев, казалось, занял твердую позицию: объединение Германии не стоит в повестке дня. Однако Г. Коль с согласия США взял курс на «ускорение». В конце ноября он выступил с программой из 10 пунктов для преодоления кризиса в ГДР. Правда, дальше пожелания создать договорное сообщество или конфедерацию двух германских государств он пока не пошел. М. Горбачев пытался выразить возмущение тем, что Г. Коль не придерживается договоренностей (значит, такие были). Но после встречи с Дж. Бушем у о. Мальта он не просто притих, но побежал, опережая поезд германского единства. Г. Коль между тем начал выезжать на территорию ГДР и выступать на массовых митингах, обещая в кратчайший срок превратить всю Германию в цветущий ландшафт.

В январе 1990 г. он, на удивление даже своих финансистов, предложил ввести ДМ (дойче марк) на территории ГДР и даже выгодно обменять имеющиеся накопления граждан ГДР. В конце января 1990 г. М.С. Горбачев в узком кругу своих непосредственных сотрудников проводит мозговой штурм по решению германского вопроса²⁶. Сопереживание приходит к выводу: делать ставку на Г. Коля как на надежного партнера. В союзной ГДР нет подходящих партнеров. Западные наблюдатели и публицисты полагают, что М.С. Горбачев проявил наивность, не теряя при этом цель, – как можно скорее получить финансовый кредит. Председатель Совета Министров Н.И. Рыжков не торопился влезать в долговую кабалу, понимая, что по долгам надо платить. Он не торопился получить первый

скромный по размерам кредит в 3 млрд марок. М. Горбачев дал свое понимание ситуации: «Мы сейчас с ГДР как со своим Азербайджаном: не на кого опереться, не с кем иметь доверенных отношений. А если и можно с кем-то договариваться, это не имеет решающих последствий... Нет реальных сил в ГДР. Следовательно, на процесс мы можем воздействовать только через ФРГ. И здесь перед нами выбор: Коль или СДПГ»²⁷. М. Горбачев выбрал себе в поводыри Г. Коля. Альтернативную точку зрения высказал там же Н.И. Рыжков: «Конфедерация – да. Но мы должны выдвинуть условия для конфедерации. Неправильно отдавать все Колю».

На совещании выявилось ключевое значение вопроса об участии или неучастии объединенной Германии в военных блоках. «Главное, – признал М. Горбачев, – на что никто не должен рассчитывать, что объединенная Германия уйдет в НАТО. Наличие наших войск этого не позволит. А убрать их мы можем, если американцы тоже уберут свои войска»²⁸. Значит, официально сформулированные условия объединения двух германских государств в начале процесса переговоров по формуле «четыре плюс два» определены четко: объединенная Германия не участвует в военных блоках, все иностранные войска выводятся с территории Германии одновременно.

Разумные размышления генсека уже в середине того же года превратились в прямо противоположные «компромиссные» решения: советские войска уходят, американские остаются в ФРГ, объединенная Германия входит в НАТО. Запись А. Черняева – весьма ценный для историков документ. Он отражает исходные позиции перед началом дипломатической стадии процесса урегулирования. Правда, почему-то в публикацию не включены высказывания Фалина и Ахромеева. Для истории они не менее важны, чем исторические экскурсы М. Горбачева относительно Брестского мира №1 и №2.

В конце января – начале февраля 1990 г. М.С. Горбачев провел в Москве встречи с лидерами ГДР: главой правительства Г. Модровым и лидером Партии демократического социализма (бывшей СЕПГ) Г. Гизи. Беседы имели характер консультаций с «товарищами» с целью получения информации о трудном положении республики (государственных долгах, внутренних и внешних, о настроениях граждан, намеченных на май выборах в Народную палату). Г. Модров рассказал о ситуации в государстве и волнении общественности и высказал разумное пожелание «притормозить процесс и перевести его в общеевропейское русло... Думаю, что стоило бы Советскому Союзу напомнить о своих правах в Германии вместе с другими тремя державами»²⁹.

Как видим, глава правительства ГДР глубже понимал государственные интересы не только ГДР, но и СССР. В беседах с Г. Модровым (последний раз – в ноябре 2010 г.) автору этой статьи довелось спросить у него, сказал ли генсек союзнику, хотя бы косвенно, что он намерен предпринять на следующей неделе. Ответ был

■ Российское государство в системе международных отношений

прост: ни единого слова. М.С. Горбачев предпочел в качестве деловых партнеров представителей США и ФРГ.

Встреча М. Горбачева с госсекретарем США Джеймсом Бейкером в Москве 9 февраля 1990 г., как следует даже из неполной записи под названием «Из беседы...», имела действительно судьбоносное значение. Госсекретарь прилетел в Москву, имея в папке серьезный план решения германского вопроса. Прежде всего, считая объединение Германии неизбежным, он отклонил саму идею нейтральной Германии. Он мотивировал свою позицию тем, что нейтральная Германия непременно станет милитаристской и даже заявит претензию на ядерное оружие. На деле, конечно, имелось в виду сохранение влияния на страну США и НАТО.

Джеймс Бейкер изложил сценарий решения германского вопроса, отметив, что «процесс идет гораздо быстрее», чем ожидали в прошлом году, «даже в декабре»: «18 марта народ ГДР проголосует на выборах. Подавляющим большинством он выскажется за объединение, изберет руководителей, которые поддерживают идею объединения Германии. Вскоре два германских государства начнут обсуждение внутренних аспектов объединения таких вопросов, как объединение правительств, парламентов, общая столица, общая валюта, экономический союз»³⁰. По этому американскому сценарию и пошел «процесс». Надо было согласовать внешний аспект германского урегулирования. И по этим вопросам госсекретарь имел готовый сценарий. Отклонив формулу переговоров «четыре плюс два», а также использование «громоздкого» механизма ОБСЕ, Дж. Бейкер твердо предложил формулу «два плюс четыре», более приемлемую для ФРГ. Американский сценарий не вызвал возражений советских руководителей. Не вызвал возражений и план сохранения НАТО и военного присутствия США в Европе. «Мы понимаем, – заявил государственный секретарь США, – что не только Советскому Союзу, но и другим европейским странам важно иметь гарантии того, что если Соединенные Штаты будут сохранять в рамках НАТО свое присутствие в Германии, то не произойдет распространения юрисдикции или военного присутствия НАТО ни на один дюйм в восточном направлении. Мы считаем, что консультации и обсуждения в рамках механизма «2+4» должны дать гарантии того, что объединение Германии не приведет к распространению военной организации НАТО на Восток»³¹.

Таким образом, от США поступает предложение в случае объединения Германии не расширять сферу действия военного блока НАТО «ни на один дюйм», не то, чтобы на 1000 километров, вплоть до границ СССР. Возникает, естественно, вопрос: почему М.С. Горбачев и Э.А. Шеварднадзе не включили в дальнейшем в документы по окончательному урегулированию столь важное обязательство США, предложенное от имени и других членов НАТО. Дело, очевидно, не только в некомпетентности указанных деятелей в дипломатии. Ведь госсекретарь понимал, что он предлагает междуна-

родные гарантии безопасности Советского Союза как условие объединения Германии.

Свое предложение Дж. Бейкер повторил как альтернативу нейтральной Германии в форме вопроса: «Предполагая, что объединение состоится, что для вас предпочтительнее: объединенная Германия вне НАТО, полностью самостоятельная, без американских войск, или объединенная Германия, сохраняющая связи с НАТО, но при гарантии того, что юрисдикция или войска НАТО не будут распространяться на восток от нынешней линии?». Под «нынешней линией» следовало понимать границу между ФРГ и ГДР, границу между ФРГ и Чехословакией и далее на юг, или границу Норвегии с СССР на севере. Бывший посол США в Москве Джек Мэтлок, выступая позже против расширения НАТО, подтвердил, что США и ФРГ обещали не расширять НАТО на восток, к границам России, после объединения Германии: «Я был свидетелем этого, и тогда мы обманули русских. Почему же они должны верить нам сейчас?»

В личной дипломатии М. Горбачева в конце января 1990 г. произошел поворот, а в первой декаде февраля началась практическая реализация замысла генсека: принять сценарий США и ничего не предпринимать без канцлера Коля. Можно указать точную дату такого разворота: 10 февраля 1990 г. – встреча с канцлером Г. Колем в Москве. Для общественности она была неожиданной, но не для окружения М. Горбачева. Встреча М.С. Горбачева с Г. Колем в Кремле 10 февраля 1990 г. началась во второй половине дня и состояла как бы из двух частей. В первой части беседы в формате «один на один» приняли участие с немецкой стороны Х. Тельчик, а с советской – А.С. Черняев. Во второй части приняли участие также с немецкой стороны Г.-Д. Геншер, с советской – Э.А. Шеварднадзе. Нам известна запись беседы, хранящаяся в Фонде Горбачева³². Адекватное, хотя не полное, отражение эта беседа получила в дневниковых записях статс-секретаря ведомства федерального канцлера Хорста Тельчика, а позже в воспоминаниях Г.Д. Геншера³³.

Что дает основание считать эту встречу поворотным пунктом в решении германского вопроса, точнее, в деле объединения Германии? На этой встрече, которую стороны рассматривали как продолжение диалога, состоявшегося в Бонне в июне 1989 г., М.С. Горбачев передал ведущую роль в объединении Германии федеральному канцлеру ФРГ Г. Колю. После обстоятельного сообщения Г. Коля о положении в ГДР, именно в ГДР, откуда за год перешло в ФРГ 380 тыс. граждан ГДР, главным образом молодых людей. Г. Коля назвал точную дату, когда «рухнул» авторитет ГДР как государства: 20 января. М.С. Горбачев констатировал: «Наверное, можно сказать, что между Советским Союзом, ФРГ и ГДР нет разногласий по вопросу о единстве немецкой нации и что немцы сами решают этот вопрос. Короче, в главном, исходном пункте есть понимание: сами немцы должны сделать свой выбор. И они должны знать эту нашу позицию». Хорст Тельчик утверждает, что он тотчас понял смысл заявления

М. Горбачева: «Это прорыв! Горбачев соглашается на объединение Германии. Это триумф канцлера Г. Коля. Он войдет в историю как канцлер германского единства»³⁴.

Х. Тельчик уверен, что канцлер не сразу понял значение заявления М. Горбачева. Но когда ему было дано пояснение, обронил историческую фразу: «Дан зеленый свет. Поезд германского единства рванул с места вперед!» Правда, дипломаты и некоторые политики понимали, что до единства еще надо преодолеть большую дистанцию. Тем более что надо было развязать или разубить еще немало узелков общеевропейского и мирового масштаба. И на этой дистанции еще можно было получить серьезные гарантии безопасности Советского Союза и компенсацию потерь, которые понесла страна в результате поспешной сдачи позиций прорабами перестройки. Главной проблемой оставалось участие объединенной Германии в военном блоке НАТО, что прямо противоречило условиям послевоенного урегулирования.

На встрече в Кремле канцлер Г. Коль заявил: «Чего мы не хотим, так это нейтралитета. Это была бы историческая глупость». Но в согласии с руководителями США германский канцлер понимал, что участие ФРГ в НАТО должно исключить саму возможность расширения сферы действия этого военного союза в восточном направлении, к границам СССР. «Мы считаем, – заявил он, – что НАТО не должна расширять сферу своего действия. Надо найти здесь разумное урегулирование. Я правильно понимаю интересы безопасности Советского Союза и отдаю себе отчет в том, что вы, г-н Генеральный секретарь, и советское руководство должны будете доходчиво объяснить происходящее населению СССР». Германский канцлер правильно понимал интересы безопасности СССР и готов был учесть их при окончательном урегулировании. А Генеральный секретарь КПСС почему-то пренебрег этим. Последующее развитие событий, особенно развал Советского Союза и расширение сферы действия НАТО за счет поглощения бывших союзных республик, освободил генсека от обязанности объяснять населению произошедшее.

Через два-три дня после бесед в Москве с Дж. Бейкером и Г.-Д. Геншером министр иностранных дел Э.А. Шеварднадзе отправился в Оттаву для участия в конференции по режиму «открытого неба». Согласно инструкции, он должен был согласовать с бывшими союзными державами формулу «четыре плюс два» для ведения переговоров о германском урегулировании. Однако по возвращении из Канады он предложил сообщению для печати о том, что он согласовал формулу «два плюс четыре», которая давала определенные преимущества германской стороне, точнее, дипломатии ФРГ в организации процесса урегулирования. В ответ на замечание компетентных экспертов, что в инструкции было намечено иное, министр простодушно сказал, что министр ФРГ Г.-Д. Геншер очень просил, а «Геншер – хороший человек». Фактически советский министр выполнил пожелание статс-секретаря США, видимо согласовав свой шаг с генсеком.

Принятие формулы «два плюс четыре» и предоставление канцлеру ФРГ карт-бланш в решении внутригерманских вопросов было исключительно в интересах федерального правительства. Отвергнув с самого начала условие неучастия в военном блоке, оно решительно отклонило идею проведения мирной конференции для выработки мирного договора для Германии, закрепления в нем территориальных реалий, то есть существующих государственных границ, не говоря уже о репарациях – возмещении ущерба нанесенного германской агрессией. На основе формулы «два плюс четыре» дипломаты ФРГ смело взяли за решение проблем отношений с ГДР. Формально еще оставались в силе права и ответственность четырех держав-победительниц. Но фактически решающее слово при решении германского вопроса было передано правительству ФРГ. Не только политические партии, но и правительство ФРГ первым делом объявили, что правительство ГДР во главе с Г. Модровым не справляется с управлением, и взяли за проведение «первых свободных» выборов в другом германском государстве. Созданный на скорую руку «Альянс за Германию» на выборах 18 марта получил относительное большинство и сформировал коалиционное правительство ГДР во главе с политиком «переходного периода» Лотаром де Мезьером. Правившая в ГДР партия СЕПП, ставшая партией демократического социализма, была отстранена от власти. Именно с новым правительством, получившим власть при поддержке со стороны ФРГ, дипломатия ФРГ и вступила в деловые переговоры.

В мае 1990 г. было заключено межправительственное соглашение о создании социального, экономического и валютного союза. В июне Народная палата принимает решение о переносе законов ФРГ на земли ГДР. В июле валюта ФРГ введена в ГДР, что означало уже утрату суверенитета ГДР. А в конце августа был заключен договор об установлении единства Германии (со ссылкой на статью 23 Основного закона (конституции) ФРГ). Внутригерманское урегулирование без вмешательства четырех держав предшествовало и предопределило ход переговоров по установлению международного статуса объединенной Германии. Четыре державы сначала предоставили полный суверенитет ФРГ, а потом оформили это договором.

Введение марки ФРГ как «дойче марк» на территории ГДР с 1 июля 1990 г. имело как непосредственные следствия, так и отдаленные последствия. С древнейших времен известно, что одной из функций суверенного государства является регулирование денежной системы. Введение марки ФРГ на территории ГДР фактически означало утрату ею своего суверенитета. Однако этот акт имел непосредственные последствия и для Советского Союза, поскольку он содержал на территории ГДР Западную группу войск численностью примерно в 400 тыс. человек, а также членов семей офицеров. Жалование офицерам и солдатам выплачивалось в марках ГДР. Теперь возникала для Советского правительства большая проблема: выплата своим

■ Российское государство в системе международных отношений

военнослужащим «содержания» в валюте ФРГ, что не было предусмотрено государственным бюджетом. Генеральный секретарь правящей в СССР партии не предусмотрел возможные последствия передачи дела объединения немцев целиком в руки канцлера ФРГ. К тому же, судя по всему, он не информировал надлежащим образом главу законного правительства своей страны о предпринимаемых внешнеполитических шагах.

Автору данной статьи удалось выявить в Российском Центре хранения современной документации (ЦХСД) записку «В ЦК КПСС» Председателя Совета Министров СССР Н.И. Рыжкова³⁵, датированную 29 июня 1990 г., то есть написанную за день-два до введения марки ФРГ на территории ГДР и рассматривающую ситуацию, сложившуюся в этой связи.

Выявленный документ доказывает, что М.С. Горбачев не информировал Совет Министров о своей деятельности и принимаемых решениях. Как понять иначе, что с апреля 1990 г. представители правительства вели переговоры с только что образованным правительством ГДР относительно выполнения имеющихся соглашений, но не о свертывании экономического сотрудничества. Германская сторона дипломатично давала понять, что она будет выполнять обязательства ГДР, но на базе свободно конвертируемой валюты. Анализ документа дает основание для вывода, что в тот момент Советское правительство было больше озабочено непосредственными последствиями введения марки ФРГ в ГДР, чем отдаленными стратегическими угрозами в связи с ликвидацией союзного государства ГДР, то есть оно просто не предполагало скорого его исчезновения. Совмин обращал внимание на непосредственные последствия изменения валютной ситуации, исходя из того, что сотрудничество с предприятиями ГДР будет продолжаться. Еще в конце апреля, когда в Москве находилась делегация ГДР во главе с премьером Лотаром де Мезьером, стороны договорились, что будут созданы 7 рабочих групп для урегулирования возникающих проблем. После подписания между ГДР и ФРГ соглашения об экономическом, социальном и валютном союзе в Берлин был направлен заместитель премьера СССР С.А. Ситарян для урегулирования финансовых проблем с ГДР. В итоге в июне было достигнуто соглашение об обмене наличных денег (сбережений военнослужащих) в марках ГДР на марки ФРГ на льготных условиях: один к одному.

Однако осталась большая проблема: финансирование армии во второй половине года. Для этого необходимо было изыскать примерно 250 млн так называемых переводных рублей или 1 млрд 250 млн марок ФРГ. Где их взять? На выручку пришла богатая ФРГ. Посольство ФРГ в Москве сообщило через своего сотрудника Х. В. Лаутеншлагера, что будет выделена искомая сумма. 29 июня, в день обращения Совмина в ЦК партии, тогдашний заместитель министра иностранных дел СССР Э. Обминский подписал в Берлине соглашение с правительством ГДР относительно финанси-

рования ЗГВ на полгода. Однако финансирование на следующий год не было определено. Это могло стать поводом для того, чтобы притормозить процесс урегулирования. Однако М. Горбачев и Э. Шеварднадзе форсировали процесс урегулирования в отношении Германии, действовали в ударном темпе, который весьма удивлял леди М. Тэтчер.

Н.И. Рыжков предлагал рассматривать решение экономических и финансовых вопросов в прямой связи с процессом урегулирования. В рассматриваемой записке он прямо написал об этом, однако в последний момент вычеркнул этот абзац. Однако для понимания различия в подходах М. Горбачева и Н. Рыжкова к решению германского вопроса, полагаю, принципиально важным сохранить для истории этот пассаж. Н.И. Рыжков как государственный предлагал выработать единую позицию Советского Союза, учитывая подходы и мнения Министерства обороны, Министерства финансов и МИДа. «При этом очень важно, – написал и вычеркнул премьер, – чтобы МИД СССР при проведении переговоров по военно-политическим аспектам объединения Германии, в том числе и в рамках группы «2+4», увязывал их с обсуждением экономических и финансовых аспектов пребывания ЗГВ в ГДР в 1991 г. и в последующий период. Такая взаимосвязь существует объективно и в тактическом отношении выгодна нам, усиливая наши позиции по всему комплексу вопросов германского объединения»³⁶.

Совет Министров СССР в конце июня 1990 г. всерьез рассматривает вопросы экономического взаимодействия именно с ГДР по нескольким направлениям:

– торгово-экономическому сотрудничеству в 1991 г. с учетом новых условий расчетов в свободно конвертируемой валюте, по «мировым ценам», коэффициента пересчета задолженности по торговым сделкам и т.п.;

– подготовке нового торгового соглашения с учетом взаимной заинтересованности СССР и ГДР в обмене товарами;

– реализации совместных проектов на территории СССР: Ямбургском месторождении газа, газопроводе Ямбург – Западная граница, Криворожском горно-обогатительном комбинате, строительстве АЭС и др.;

– рекультивации земель в ГДР в связи с прекращением работы акционерного общества по добыче урана «Висмут»;

– правовому урегулированию имущественных вопросов, связанных с пребыванием ЗГВ на территории ГДР.

Как видно из этого перечня, Советское правительство в середине 1990 г. не предполагало ликвидации ГДР. Напротив, оно планировало выполнение совместных проектов с ГДР. Почему произошло ускорение в процессе решения германского вопроса? Исследователям предстоит еще большая работа по выявлению причин и инициаторов этого ускорения. Но можно предположить, что в Советском Союзе назревала (или уже назрела) альтернативная точка зрения на германское

урегулирование. Горбачев спешил выполнить свою «историческую миссию» – миссию «лучшего немца».

В выработке «окончательного урегулирования» в отношении Германии ведущая роль в соответствии с формулой «два плюс четыре» оказалась в руках министра иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншера, который мастерски использовал представившуюся возможность в интересах ФРГ. По существу, переговоров в собственном смысле не было. В соответствии с договоренностью в Оттаве о формуле «два плюс четыре» от 13 февраля 1990 г. имели место однодневные встречи за «круглым столом» министров иностранных дел шести государств:

– 5 мая в Бонне, где, естественно, ведущую роль играл Г.Д. Геншер;

– 22 июня в Берлине, где опять таки первая скрипка была в его руках.

На встречу в Париже 17 июля 1990 г., очевидно, по настоянию Франции был приглашен министр иностранных дел Польши. По существу, на таких встречах принимали к сведению пожелания дипломатов ФРГ и разъезжались для оформления пожеланий на бумаге. Германская дипломатия очень торопилась с оформлением договора. Вместе с нею почему-то торопились Э. Шеварднадзе и М. Горбачев. Участники судьбоносного процесса не сочли необходимым проводить встречи в Лондоне и в Вашингтоне. А гостеприимная Москва охотно согласилась пригласить делегации шести государств немедленно для подписания основного договора, не дожидаясь выработки «большого договора» между СССР и ФРГ и других двусторонних соглашений, которые, конечно, по всем правилам дипломатии полагалось подписать если не в одном пакете, то одновременно.

Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии был подписан министрами иностранных дел шести государств (ФРГ и ГДР, Великобритания и Франции, СССР и США) 12 сентября 1990 г. в Москве в гостинице «Октябрьская», которую позже назвали «Президент-отель». Содержание договора, который определил международный статус объединенной Германии и является действующим договором уже более 20 лет, хорошо известно по многочисленным публикациям, в том числе по монографии автора данной статьи³⁷.

Здесь нет необходимости в изложении и анализе этого исторического документа, хотя отдельные его постановления имеют не только непосредственные, но и отдаленные, далеко идущие последствия для нашей страны. Прямыми следствиями заключения Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии были:

– ликвидация ялтинских и потсдамских соглашений и договоренностей, включая права и ответственность четырех держав за статус Берлина и Германии в целом (без заключения полновесного мирного договора);

– вывод советских войск с германской территории до конца 1994 г. при сохранении войск США и других стран НАТО. На единую Германию были

возложены определенные военные ограничения, в том числе отказ от вооружений класса АВС, сокращение численности вооруженных сил и др.

Особенностью этого договора, как отметил последний премьер ГДР Л. де Мезьер на научной конференции в Москве, состоит в том, что под этим международным договором в первый и последний раз стояли подписи двух германских государств – ГДР и ФРГ. Другая деталь, которая обращает на себя внимание, состоит в том, что государственный секретарь США поставил под подписанным в Москве договором свою подпись в необычной форме: Джеймс В. Бейкер III (Третий). Этот факт не отражен в официальных публикациях документа, но ясно просматривается в копии с оригинала.

В связи с проблематикой, затронутой в данной статье, естественно, возникает вопрос: почему в договор не было включено обязательство ФРГ и США (они готовы были взять его на себя) не расширять сферу действия Североатлантического договора (НАТО) в восточном направлении «ни на один дюйм»? Статья 6 договора лаконично (в трех строках) констатирует: «Право объединенной Германии на участие в союзах со всеми вытекающими из этого правами и обязательствами настоящим Договором не затрагиваются»³⁸.

В американской публицистике и даже в дипломатической практике часто рассматривают переговоры как игру – игру в шахматы или в карты. В начале 1990 г. Дж. Бейкер сообщил германским представителям, что русские затеяли игру, в финальной стадии игры они сдадутся. Видимо, он имел основания для такого прогноза. После нескольких категорических заявлений об абсолютной неприемлемости участия Германии в военном блоке М. Горбачев неожиданно и для советских, и для американских участников переговоров сдал позиции. В конце мая 1990 г. большая советская делегация во главе с М. Горбачевым прилетела в Вашингтон для официальных переговоров, во время которых еще было не поздно поставить вопрос о роспуске противостоящих военных блоков или, во всяком случае, о выводе всех иностранных войск с территории единой Германии.

Перед этим еще взвешивалось предложение советской стороны об участии германских государств одновременно в двух блоках – НАТО и ОВД (Организации Варшавского договора). Правда, западные партнеры оценили такое предложение М. Горбачева и Э. Шеварднадзе как «несуразное» (Дж. Буш) и «шизофреническое» (Дж. Бейкер). И вот теперь, в конце мая – начале июня, Горбачев просит В.М. Фалина изложить официальную позицию относительно неприемлемости участия единой Германии в противостоящем блоке, а затем за чашкой кофе в овальном кабинете президента в Белом доме неожиданно для всех присутствующих заявляет: «Если немцы так хотят быть в НАТО, то пусть так и будет». Ошеломленный Дж. Буш дважды попросил М. Горбачева повторить только что сказанное, настолько это было важно. Американский президент немедленно информировал

■ Российское государство в системе международных отношений

федерального канцлера, который тотчас выразил желание побывать на родине М. Горбачева близ Ставрополя. Германские публицисты считают встречу М. Горбачева и Г. Коля в местечке Архыз летом 1990 г. историческим событием и победой дипломатии ФРГ. Скорее это был успех дипломатии США, и лично Дж. Буша. Не он ли предпринял первые шаги за шесть лет до того?

В глазах федерального канцлера это был его триумф. Что там Ялта и Потсдам, если без единого выстрела, исключительно мирными средствами, не отдав ни пфеннига в качестве аванса, можно было получить бесценный подарок?! В Архызе были обговорены основные положения договора, который и был составлен в срочном порядке в течение двух месяцев. Не только ближайший сосед президент Франции Ф. Миттеран, но и «железная леди» М. Тэтчер были обойдены на крутом повороте. М. Горбачев нашел общий язык с Г. Колем, причем последний ни от чего не отказался, тогда как М. Горбачев отказался от результатов победы советского народа во Второй мировой войне, от прав и ответственности за Берлин и Германию в целом. Поистине исторический поворот.

Каковы реальные последствия этого исторического поворота? В средствах массовой информации ангажированные публицисты дают простой ответ: Россия выиграла от объединения Германии, прекращения «холодной войны» и вывода своей армии не только из Германии, но еще раньше из других стран Центральной и Восточной Европы. Объединение Германии было неизбежно и произошло неожиданно «для всех». Как следует из фактов и документов, приводимых в данной статье, руководители США и ФРГ тщательно готовили ликвидацию «империи зла» и в этой связи – поглощение ГДР другим германским государством. Для них объединение двух германских государств было частью далеко идущего замысла, отнюдь не неожиданным событием.

С научной точки зрения объединение Германии было исторической необходимостью. Однако темпы реализации, а главное, геополитические последствия этого события отнюдь не были фатально предопределены. Многое зависело от того, какую позицию займет великая держава – Советский Союз. К сожалению, у руля великой державы оказались кормчие, которые взяли курс, который не учитывал государственные интересы великой державы.

Главным результатом объединения Германии было коренное изменение геополитической ситуации в Европе: вытеснение России в ее этнические пределы, развал Союза Советских Республик, с одной стороны, и, с другой стороны, «неожиданное» усиление ФРГ, которая расширила свои пределы, увеличила свой людской и экономический потенциал и, как полностью суверенное государство, заявила свои претензии на участие в решении глобальных проблем. Изменение геополитической ситуации в Европе повлекло за собой пересмотр стратегических концепций. Западные державы воспользовались новой ситуацией для расширения не только сферы своего влияния, но и сферы действия военного блока

НАТО. За десять лет, с 1999 по 2009 г., в НАТО были приняты 12 государств Восточной и Юго-Восточной Европы. Первыми в этом ряду оказались Чехия, Венгрия и Польша.

Пределы военного блока были расширены и приближены к историческим границам СССР на 800 километров. Войска НАТО могут дислоцироваться напротив Брестской крепости у реки Буг, где была сосредоточена нацистская армия вторжения в 1941 г. Для выравнивания «линии фронта» и ТВД потребовалось преодолеть «красную черту» (историческую границу СССР). И стратеги НАТО смело преодолели рубеж, включив в 2004 г. в сферу своего влияния и командования прибалтийские государства – Эстонию, Латвию и Литву. В том же году попросились и были приняты не только стражи дунайской долины Румыния и Болгария, но и такие «братья-славяне», как суверенные государства Словакия и Словения. Против кого в Европе они-то вооружаются? В 2009 г. общее количество членов альянса достигло 28 в результате торжественного принятия Албании и Хорватии. И все это произошло после обещания не расширять НАТО в восточном направлении. Американские дипломаты должны были признать: «Мы обманули русских». Правда, им посоветовали использовать другое слово вместо слова «обманули»... Но обман останется обманом, как его не назови.

В сентябре 2008 г. в Москву приезжал бывший президент ФРГ Рихард фон Вейцзеккер. Он выступил в Германском историческом институте на большом общественном собрании. В качестве комментатора доклада был приглашен М.С. Горбачев. Пользуясь случаем, автор данной статьи поставил перед бывшим Президентом СССР один вопрос: «Что помешало вам, юристу по профессии, включить в договор об окончательном урегулировании в отношении Германии обязательство западных держав-участников договора не продвигать сферу действия НАТО на восток?» Ответ был уклончивый: «Ведь тогда еще существовал Варшавский блок, а слову высоких представителей Запада можно было доверять». Тогда возникает другой вопрос: «А что западные политики, выдвигая свое предложение, не знали, что существует Организация Варшавского договора?» И, кроме того: «Кто распорядился о роспуске ОВД?» Здесь надо бы призвать на помощь не только логику, но и здравый смысл.

Последствия поспешного объединения Германии были, к сожалению, неблагоприятны для народов СССР (России). Отдаленными, но не слишком отдаленными, последствиями этого исторического события стали роспуск Варшавской оборонительной организации, аннулирование всей системы договоров СССР со странами Восточной Европы, свертывание взаимовыгодных экономических связей, начиная с производства кухонной посуды и кончая эксплуатацией атомных электростанций, свертывание культурных связей. Вывод советских войск стимулировал центробежные тенденции в бывших союзных странах и активизацию движений за выход из состава Союза ССР. Поспешное и неупорядоченное провозглашение независимости ряда республик получило дипломатическую поддержку

со стороны ФРГ, которая, подписав заключительный акт в Хельсинки, признала не только нерушимость границ государств, но и территориальную целостность государств. Правительство ФРГ в числе первых заявляло о признании новых независимых государств, а затем великодушно признало Российскую Федерацию «продолжателем» СССР.

Коренное изменение стратегического положения России – правопреемницы Союза ССР, усугублялось фактически односторонним сокращением военного потенциала России за счет оставления существенных контингентов вооруженных сил в Украине, Белоруссии, Казахстане, на Кавказе и в других республиках, а также в результате уничтожения ракет средней дальности, огромной массы танков, самолетов и других вооружений.

Между тем ФРГ в момент объединения двух германских государств увеличила свой военный потенциал, в том числе за счет вооружений армии ГДР. Оружие советского производства, поставленное армии ГДР в свое время на льготных условиях, оказалось в руках генералов бундесвера. «Трофеи» были весьма весомым арсеналом вооружений: 2300 танков, 9000 бронемашин, 5000 артиллерийских орудий, 700 боевых и транспортных самолетов и вертолетов, в том числе несколько новейших машин МИГ-29, около 200 речных и морских кораблей, 85 000 грузовых автомобилей и прицепов, наконец, 295 тыс. тонн боеприпасов и 4500 тонн ракетного топлива. Но самое существенное – 1 млн 200 тыс. единиц стрелкового оружия³⁹. В общей сложности названное вооружение оценивалось суммой в 90 млрд марок. К этому следует добавить стоимость имущества военных гарнизонов, оставшегося после ухода советских войск. Разумеется, генералы не пошли на рынок торговать трофеями. Правительство ФРГ просто передало часть имущества в другие страны, в том числе, вероятно, в «горячие точки». К этому следует добавить, что долги СССР перед ГДР, накопившиеся за годы сотрудничества на торговом балансе, были повешены на шею России. Государственный подход к делу обязывал руководителей в ходе переговоров об окончательном урегулировании иметь в руках красный карандаш и вычеркивать непомерные требования «бывшего вражеского государства».

В одной из бесед с немецкими журналистами в середине 1990-х гг. бывший Президент Советского Союза М.С. Горбачев высоко оценил свою деятельность при решении германского вопроса: «Я считаю, что мы развязали этот узел идеально»⁴⁰. Для германской стороны это решение могло казаться идеальным, хотя отнюдь не все немцы разделяют эту точку зрения. В некоторых средствах массовой информации ФРГ М. Горбачев был удостоен звания «лучшего немца года». Надо признать, что правительства западных держав, да и то исключая Великобританию и Францию, были в восторге от способов и темпов решения германской проблемы. Неслучайно они инициировали присуждение М.С. Горбачеву Нобелевской премии мира, а правительство ФРГ сочло, что Э.А. Шеварднадзе достоин премии И. Канта. Два авто «Мерседес» в придачу – не в счет.

Но что получили народы Советского Союза, которые понесли наибольшие потери во Второй мировой войне? Главным результатом изменения ситуации в Европе стал развал Советского Союза. Изменения стратегической ситуации имели поистине тектонические масштабы:

- Германия получила возможность подвести черту под итогами Второй мировой войны, не заключая полномасштабного мирного договора;

- роспуск Варшавской оборонительной организации лишил Советский Союз союзников в Европе, а вывод войск из стран Центральной и Восточной Европы означал предоставление стратегического пространства в распоряжение другим державам, в том числе Германии;

- возникшие в союзных республиках центробежные тенденции привели к неупорядоченному выходу их из состава Союза и расчленению единого политического и экономического пространства;

- кардинальное изменение стратегического положения России означало смещение театра потенциального театра военных действий (ТВД) на 800 километров от прежних пределов НАТО;

- сокращение военного потенциала России в результате практически одностороннего разоружения, ликвидации ракет средней дальности, огромной массы танков, самолетов, подводных лодок без соответствующего возмещения новой техникой, изменило соотношение сил на мировом поприще отнюдь не в пользу России;

- расширение территории и увеличение экономического потенциала ФРГ дало ей основание для выдвижения претензий глобального характера, таких, как пересмотр Устава ООН, получение места постоянного члена Совета Безопасности ООН, участие в решении проблем мировой политики и даже применение вооруженных сил за пределами национальной территории.

Все эти «подвижки» – результат дипломатической активности лично М.С. Горбачева. Назвать их успехом, а тем более «идеальным» решением проблемы у историков нет серьезных оснований. Для историков небезразличны оценки и современников событий XX в. При оценке государственной, дипломатической деятельности М.С. Горбачева придется помнить слова, сказанные выдающимся дипломатом XX в. А.А. Громыко. В ответ на вопрос: «Оправдали ли он ваши надежды?» – он дал ясный ответ: «Не по Сеньке оказалась шапка государева, не по Сеньке!»

Akhtamzjan A.A. The International Political Consequences of Unification of Germany. Expansion of NATO - Result of Unification of Germany.

Summary: The geostrategic consequences of final settlement concerning Germany are investigated in the article, especially the remote consequences of this historical event. Conclusions of the author are based on Russian diplomatic documents as well as the German official documents. Publications of competent experts - germanists (such as V.M. Falin, J.A. Kvizinsky, V.P. Terekhov, I.F. Maksimychev) are analyzed in the article. The Author is a well-known researcher of the Russian and German diplomatic archives.

■ Российское государство в системе международных отношений

Ключевые слова

Объединение Германии, окончательное урегулирование в отношении Германии, личная дипломатия Горбачева, ликвидация СССР, геостратегические последствия аннулирования Варшавского договора, политические последствия окончательного урегулирования, ликвидация ялтинско-потсдамской системы международных отношений, отказ от прав и ответственности держав в отношении Берлина и Германии в целом, геополитические позиции России.

Keywords

Unification of Germany, final settlement concerning Germany, 2+4 Treaty, Gorbachev's personal diplomacy, liquidation of the USSR, cancellation of the Warsaw Treaty Organisation, political consequences of final settlement, liquidation of the Yalta-Potsdam system of the international relations, rights and the responsibility of powers concerning Berlin and Germany as a whole, geopolitic positions of Russia.

Примечания

1. Максимычев И.Ф. «Народ нам не простит...». М., 2002. С.65.
2. См.: «Московский комсомолец» 4 октября 2010. С.9.
3. Ахтамзян А.А. Объединение Германии или аншлюс ГДР к ФРГ, ч.1-2. М.,1994.
4. Воробьева Л.М. Объединение Германии: ретроспективный взгляд на актуальную проблему. М., 1998.
5. Haftendorf H. Deutsche Aussenpolitik zwischen Selbstbeschränkung und Selbstbehauptung. Stuttgart,2001. Alexander von Plato. Die Vereinigung Deutschlands – ein weltpolitisches Machtspiel. Berlin, 2002. Александр фон Плато. Объединение Германии – борьба за Европу. М., 2007.
6. Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993.
7. Горбачев М. Как это было. Объединение Германии. М., 1999.
8. Valentin Falin. Politische Erinnerungen. München. 1993. Juliy A. Kwizinskiy Vor dem Sturm. Berlin. 1993
9. Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. М., 1999. Квицинский Ю. Время и случай. М., 1999.
10. Horst Teltschik. 329 Tage. Berlin. 1991. Hans Dietrich Genscher. Erinnerungen. München. 1997. Die Vereinigung Deutschlands im Jahr 1990. Eine Dokumentation. Bonn 1991. Karl Kaiser. Deutschlands Vereinigung. Die internationalen Aspekte. Bergisch Glfdbach. 1991.
11. Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов.1986 – 1991. Предисловие и составление А.Галкин, А.Черняев. М., 2006. В Политбюро ЦК КПСС. По записям А.Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова. (1985-1991). М., 2006.
12. Болдин В.И. Крушение пьедестала Штрихи к портрету М.С. Горбачева, М., 1995.
13. Geschichte der deutschen Einheit in vier Bänden.Stuttgart. 1998.
14. Weidenfeld W. Aussenpolitik für die deutsche Einheit. Stuttgart, 1998. P. 5-6.
15. Анатолий Громыко. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. М., 1997, С.73-87 и 87-100.
16. Олег Одноколенко. Американский связной. «Итоги» 11 октября 2010. С. 38.
17. См.: Аргументы и факты № 26, 2001 г.
18. Рыжков Н.И. Трагедия великой страны. М., 2007. С. 24 -26.
19. Рыжков Н.И. Цит. соч. С. 26.
20. Там же.
21. Цит. по: Рыжков Н. Трагедия великой страны. М., 2007. С. 26.
22. Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов 1986-1991. М., 2006. С.268-272.
23. «Известия» от 01.02.2008.
24. Рыжков Н.И. Цит. соч. С. 26.
25. Кеворков В. Тайный канал.М., 1997.
26. Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов 1986-1991гг. М., 2006. С. 307- 311.
27. В Политбюро ЦК КПСС. По записям А.Черняева, В.Медведева, Г.Шахназарова (1985-1991). М.,2006. С.551 и след.
28. Там же. С 552.
29. Михаил Горбачев и германский вопрос. С. 317.
30. Там же. С. 333.
31. Там же. С. 334.
32. Там же. С.339-360.
33. Horst Teltschik. Op.cit., P. 137-143. Hans-Dietrich Genscher. Op. cit.,
34. Horst Teltschik. Op. cit., P.140.
35. Российский Центр хранения современной документации (ЦХСД). Фонд 89. Опись 8. Дело 77. С. 4-10.
36. ЦХСД. Фонд 89. Опись 8. Дело 77. С. 6-7.
37. Ахтамзян А. Объединение Германии. Обстоятельства и последствия. М., 2010. С.147-155.
38. Германо–советские договоры. Бонн. (без даты издания) С. 11-17. «Правда», 13 сентября 1990.
39. Weissbuch der Bundesregierung 1994,
40. «Deutschland» Nr. 5, 1996. P.14.
41. <http://www.peoples.ru/state/ambassador/gromyko/>